

2000
1955
1955

Spurkland N 3833

Cornishland 21 and 11

2378

✓✓

Hebden Spurkland 143

Hebden Cornishland 25 and 11

Kp. ref.

✓✓

2
N° 111-35.

II

92
кат

Житомирська
обласна бібліотека

Житомирська
обласна бібліотека
№ 85859

НАУКА И РЕЛИГІЯ

въ концѣ XIX вѣка.

7.2
734

10
734 Нар

О. Тернера.

Житомирська
обласна бібліотека

Житомирська міська
бібліотека

8957

С. Петербургъ.

№ 242. Типографія Майкота, въ з. Міністер. Фін., на Двори. влом.

1876.

86.212
25
T35
2:001

ek
B

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 19 Марта 1876 года.

Вопросъ объ отношеніи науки къ религії, становится вновь вопросомъ дня въ Западной Европѣ и особенно въ Германіи.

Взвѣнній изъ забвенія борьбою происходащею въ Германіи между государствомъ и католическою церквию, онъ ставится нынѣ самимъ категорическимъ образомъ. Тутъ дѣло идетъ уже не о взаимной терпимости, не о томъ, можетъ ли наука существовать и развиваться возлѣ церкви и на оборотъ, а о томъ: представляютъ ли наука и религія, по самому внутреннему существу своему, понятія гармоническія или враждебныя? Въ разрѣшениі этого вопроса, спорющи стороны доходятъ до самыхъ абсолютныхъ результатовъ. Католический ультрамонтанізмъ рѣшился, въ послѣднее время, на безусловное, категорическое осужденіе свободы науки, съ другой стороны, представители крайняго патералистического направленія въ науки, не ограничиваясь отрицаніемъ всякаго значенія религії, приходятъ къ заключенію, что религіозное направленіе вообще несовмѣстно съ культурнымъ напра-

влещемъ, т. е. съ успѣхами нравственности, мысли и науки.

Послѣдующія страницы представляютъ отчетъ о личныхъ впечатлѣніяхъ и убѣжденіяхъ, вынесенныхъ пишущимъ эти строки во время двухмѣсячнаго пребыванія въ Западной и Южной Германіи, изъ происходящей тамъ полемики по означенному вопросу.

Фельдафингъ, на берегу Штарнбергскаго озера,
въ Баваріи, въ сентябрѣ 1875 г.

Il importe médiocrement à l'esprit doué de quelqu' énergie que ces pays et les classes où l'on croit au surnaturel soient d'importance secondaire et qu'ils restent en dehors du courant de leur siècle» comme l'écrit M. Renan. Ceci n'est qu'un appel à la légèreté, à la vanité peut être, qui trahit peu d'estime pour le lecteur. Le Christianisme a le droit d'être jugé selon sa valeur intrinsèque.

Il faut que le fond même de notre esprit adhère au fond même du Christianisme et cette pénétration est impossible sans une entière liberté de penser.

Secretan-La Raison et le Christianisme.

I.

Разладъ проявляющійся съ нѣкоторыхъ поръ въ Европѣ между научными и религіозными убѣждениями общества—фактъ весьма знаменательный. Профессоръ Философіи въ Боннѣ, Д-ръ Михелисъ, полемизируя, въ недавно изданномъ сочиненіи „Гекелогонія“ *), противъ положеній извѣстнаго ученаго Гекеля, дошедшаго въ одностороннемъ развитіи теоріи Дарвина до послѣднихъ границъ, рѣшается высказать по этому поводу чрезвычайно рѣзкій приговоръ падъ современною германской мысли. Въ возможности появленія космологическихъ системъ въ родѣ „Antropogenie“ Гекеля и философскихъ твореній подобныхъ сочиненію Штрауса

*) «Häckelogenie» «Ein academischer Protest gegen Häckel's „Anthropogenie“ von Prof. Dr. F. Michelis, Bonn. 1875.

„der alte und neue Glaube“ онъ видитъ „симптомы галюцинаціи и старческаго маразма, доказывающіе что сила мысли ниспала въ Германіи послѣ Лейбница и Канта до совершенной немощи“ (bis zu dem Grade der Impotenz). По его словамъ „сила обстоятельствъ въ настоящее время такова, что полная побѣда натурализма и материализма въ средѣ человѣческаго общества неотразима, если сознательная мысль не устоить и не дастъ отпора (wenn nicht das bewusste Denken diessmal Stand hält und durchdringt mit seinem Widerstand“).

Въ приведенныхъ словахъ можно находить пессимизмъ, крайность,—но, отрицать существование положительного антагонизма между наукой и религіей въ весьма обширныхъ слояхъ европейскаго общества — невозможно. Отбросивъ наслѣдство XVIII вѣка, остроумный и поверхностный скептицизмъ, наше время, по видимому, провозгласило господство положительного, научнаго материализма или натурализма, зачѣнивъ безвѣріе по легкомыслю невѣріемъ по убѣждению и научнымъ доказательствамъ отсутствія всякой немировой задачи человѣчества. Нельзя не сознаться что въ весьма обширныхъ слояхъ образованнаго европейскаго общества антирелигиозное направлениe или по крайней мѣрѣ полный индифферентизмъ считаются необходимымъ условиемъ развитія науки и вообще всякой высшей культуры.

Въ видахъ справедливости слѣдуеть однако оговориться. Наука, въ лицѣ первостепенныхъ своихъ представителей, ученыхъ специалистовъ, не утверждаетъ и не провозглашаетъ материализма. Ограничивающая область

дѣйствія человѣческаго ума предѣлами знанія основаннаго на положительныхъ данныхъ и на испытаніи, доступномъ осознанію нашихъ чувствъ, современная наука отвергаетъ вообще всякую аргументацію о первоначальныхъ и конечныхъ причинахъ. Ставъ на эту почву, она впадала бы въ непослѣдовательность съ собственnoю доктриною, если бы она стала утверждать, что за предѣлами вещественнаго міра, ничего не существуетъ — это было бы отрицательнымъ решеніемъ вопроса о конечныхъ причинахъ, она не впадаетъ въ такую ошибку, она не провозглашаетъ материализма, ея настоящій лозунгъ позитивизмъ. Нельзя оспаривать что позитивизмъ существенно разнится отъ материализма. Позитивизмъ можетъ отрицать пользу изслѣдованія того, что, по самому существу своему, не можетъ быть положительно доказано, т. е. пользу всякой спекулятивной мысли, но онъ по крайней мѣрѣ не возводить въ учение догму: что кромѣ матеріи ничего не существуетъ въ дѣйствительности. Какъ научный методъ, въ области точныхъ наукъ, позитивизмъ имѣть вполнѣ законную причину существованія, — только благодаря экспериментальному методу, естественные науки достигли той высокой степени развитія, на которой онъ теперь находится. Но съ другой стороны не слѣдуетъ обманывать себя и въ смыслѣ оптимизма. Изъ сферы научного метода позитивизмъ незамѣтно и какъ бы естественно переходить въ общую сферу человѣческой мысли и человѣческаго сознанія. Современная наука не провозглашаетъ безусловно материализма, но нельзя отрицать что сим-

паче значительного числа ея представителей клонятся на сторону натурализма.

Кромъ того за первостепенными учеными и специалистами являются ученые втораго разряда, популяризаторы, не отличающиеся особынмъ уважениемъ къ послѣдовательности въ системѣ. Отрицаю всякое значение трансцендентальной мысли, насколько она проявляется въ религіи и даже въ философіи, они не останавливаются однако на почвѣ позитивизма, а переносятъ его постановку вопроса, т. е. условное отрицаніе, съ удивительною непослѣдовательностью, въ сферу безусловныхъ отвлеченныхъ понятій и, доводя вѣкоторые ипотезы естественныхъ наукъ до послѣднихъ предѣловъ, созидаютъ спекулятивнымъ же путемъ, какъ-бы новую материалистически-механическую философію, получившую название натурализма. Односторонность самоувѣреннаго увлеченія доходитъ у нихъ до того, что они относятся даже съ сострадательнымъ пренебреженіемъ къ слабости ума и воли тѣхъ великихъ ученыхъ-специалистовъ, которые, высказавъ извѣстную новую научную ипотезу, не рѣшаются немедленно признать ее положительно доказанною истиной и придать ей абсолютное значение. Такому обсужденію подвергается съ ихъ стороны, напримѣрь Дарвинъ, теорія котораго служить исходною точкой такъ называемаго *механическою объясненія міrozданія* (*mechanische Naturerklärung*) чрезвычайно распространеннаго нынѣ въ Германіи. Въ концѣ своего знаменитаго сочиненія о происхожденіи видовъ Дарвинъ указываетъ на величие идеи того един-

ства и той удивительной простоты, которая проявляется въ творческой дѣятельности Создателя. По этому поводу переводчикъ Дарвина въ Германию Х. Г. Броннъ замѣчасть „какъ скоро въ какомъ либо пунктѣ допустить идею *созданія*, то тѣмъ самымъ упраздняется всякое значеніе ипотезы высказанной Дарвиномъ“. Еще опредѣленіе выражается О. Шмидтъ, въ сочиненіи *Descendenzlehre und Darwinismus*. „Допущеніемъ идеи созданія, (mit diesem Zugeständniss) замѣчаетъ онъ, Дарвинъ очевидно становится невѣрнымъ самому себѣ.... подобное предположеніе абсолютно несомнѣнно съ учениемъ о происхожденіи видовъ“. Даѣе, указывая на знаменитаго англійскаго анатома Р. Овена, Шмидтъ прибавляетъ, что Овенъ можетъ служить доказательствомъ тому, какъ можно сдѣлать даже послѣдній шагъ и вполнѣ убѣдившись въ извѣстной истинѣ выпустить, такъ сказать, изъ рукъ только что сдѣланное открытие, вслѣдствие сохраненія вѣры въ сверхъестественное“ (*).

Распространеніе извѣстной научной истины въ обществѣ можно прослѣдить еще даѣе. Спускаясь все ниже и ниже изъ чисто ученой области, она мало-по-малу дѣлается достояніемъ, хотя и въ болѣе или менѣе искашенномъ видѣ, полуученныхъ и недоучившихся умовъ которые, не имѣя, по своей поверхности, ни желанія ни возможности совладать съ высшими научными и спекулятивными теоріями и увлекаясь дешевыми либерализ-

*) Ueber die Graenzen der mechanischen Naturerklaerung von Dr G. Fr. v. Herting. 1875, стр. 51 и 71.

момъ (оправдываемымъ до известной степени тенденціями ультрамонтанизма) извлекаютъ изъ позитивизма перво-степенныхъ ученыхъ и натурализма популяризаторовъ чисто материалистическая убѣжденія, весьма характери-стически названные однимъ современнымъ философомъ наименіемъ материализмомъ, въ противоположность науч-ному материализму, натурализму и позитивизму. Они приходятъ къ заключенію, что все то, чего мы не можемъ ослышать чувственno, только потому, что мы не можемъ ослышать этого, не существуетъ. На основаніи подобного ребяческаго аргумента житель равнинъ, никогда не выѣзжавшій изъ мѣста своей родины, могъ бы утверждать, что не существуетъ горъ; скажите африкан-скому негру, что есть страны, въ которыхъ поверхность воды въ рѣкахъ и озерахъ, въ известныя времена года превращается въ твердую массу, такъ что по ней можно безопасно ходить иѣздить, онъ васъ приметъ за безумца. Не смотря на поверхность подобной аргу-ментации, обыкновенного уровня люди чрезвычайно склон-ны поддаваться на нее, а такъ какъ число высшихъ умовъ и серіозныхъ ученыхъ составляетъ вездѣ мень-шинство, массы же принадлежать именно къ золотой посредственности, то очевидно, что въ средѣ невѣрія материализмъ долженъ распространяться сильнѣе позити-визма, тѣмъ болѣе, что онъ открываетъ широкій прос-торъ развитію страстей и преобладанію эгоизма лич-ности.

Въ виду крайности научнаго отрицанія, проявляется противоположная крайность—крайность ультрамонтанизма.

Но, если застой и индиферентизмъ никогда не могли породить ничего живаго, то съ другой стороны живое движение, высказывающееся даже въ проявленіи крайностей человѣческой мысли и человѣческихъ убѣжденийъ, не могло оставаться безъ всякаго полезнаго вліянія. Оно уже начинаетъ вызывать естественную реакцію, мы присутствуемъ при возникновеніи новаго религіознаго движения въ Европѣ, въ которомъ можно видѣть протестъ истинной религіозности противъ изувѣрства и суевѣрія съ одной стороны и противъ раціонализма съ другой.

Для правильной оцѣнки силы и значенія каждого изъ этихъ трехъ направленій, необходимо прежде всего ознакомиться съ причинами, которыя вызвали существующій нынѣ между религіей и наукой антагонизмъ.

II.

Открытое проявление разлада между религией и наукой, высказавшееся съ особенностью силою въ послѣднее время, совпадаетъ съ удивительнымъ развитіемъ и необыкновенными успѣхами естественныхъ наукъ,—развитіемъ, которое нельзя не приписать превосходству применяемаго наукой экспериментальнаго метода. Это совпаденіе, повидимому, наводить на мысль, что кореннуя причину разлада слѣдуетъ искать въ различіи метода, лежащаго въ основаніи научныхъ изслѣдованій и религіозныхъ соображеній. Христіанское ученіе требуетъ принятія на вѣру пѣкоторыхъ основныхъ истинъ, которыхъ оно приписываетъ Откровенію и которыхъ выражены въ его догматахъ. Наука напротивъ того, становится на почву точнаго знанія, знанія, опирающагося на положительныя доказательства и допускающаго фактическую проверку. Ограничиваюсь предѣлами осознательнаго міра, точная наука утверждаетъ, что все, что находится за предѣлами онаго, не достичмо человѣческому уму, не можетъ быть доказано и потому не можетъ подлежать изученію; сдвигая такимъ образомъ тѣснѣе предѣлы области могущей служить предметомъ изслѣдованія для

человѣческой мысли, она вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на преимущество возможности достижениія, въ этихъ предѣлахъ, точнаго познанія,—между тѣмъ какъ всякая спекулятивная мысль—при всемъ кажущемся ея величиі—какъ не основанная на твердой почвѣ, можетъ только привести къ неясности и къ смыщенію человѣческихъ попыткій.

Трудно повидимому представить себѣ болѣе категорическое, болѣе существенное различіе во взглядахъ. Если бы человѣческій умъ могъ дѣйствительно вполнѣ отрѣшиться отъ общихъ вопросовъ, если бы онъ могъ ограничиться тѣсными предѣлами положительного знанія, то именно въ указанной противоположности воззрѣній слѣдовало бы искать главную, основную причину разлада проявляющагося между религіей и наукой. Но, предѣлы ученаго метода той или другой научной дисциплины не совпадаютъ съ предѣлами пытливости человѣческаго ума; доказательствомъ тому могутъ служить собственная теорія натуралистической школы. Послѣдователіи этой школы, какъ уже выше замѣчено, не остаются въ области положительныхъ знаній; индукція служить только исходною точкою ихъ аргументаціи, достигнувъ предѣловъ точнаго знанія, они переходятъ въ область дедукціи и даже апѣоризма. Геология, напримѣръ, доказала что нашъ міръ прошелъ чрезъ такіе періоды формаций, при которыхъ всякая органическая жизнь была положительно невозможна, изъ этого явствуетъ, что органическая жизнь на землѣ должна имѣть начало; за тѣмъ возникаетъ вопросъ: какимъ

образомъ она возникла? Въ сочиненіи *Darwinismus und Descendenzlehre*, О. Шмидтъ даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: „мы знаемъ теперь, что міръ образовался не толчками (glockweise) а путемъ постепенного развитія и преобразованія, мы можемъ, мы должны даже заключить, что въ извѣстный моментъ охлажденія земли, жизнь появилась естественнымъ образомъ, т. е. безъ вмѣшательства непонятнаго творческаго акта“ *). Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе большей или меньшей вѣроятности подобнаго предположенія, но очевидно, что оно не вытекаетъ, какъ логическое послѣдствіе, изъ теоріи постепенного развитія одного міроваго проявленія изъ другаго, послѣдующаго изъ предыдущаго. Если органическая жизнь проявляется на землѣ въ данный моментъ, если ея прежде не существовало и если она рѣзко разграничивается отъ всего неорганическаго, то появленіе ея не можетъ быть объяснено путемъ развитія или преобразованія, потому что до ея появленія, ничего подобнаго органической жизни на землѣ не существовало. Такимъ образомъ утвержденіе О. Шмидта, что мы должны заключить что органическая жизнь въ удобный для ~~того~~ момента, появилась естественнымъ образомъ, такъ сказать, сама собою, есть во всякомъ случаѣ предположеніе не доказанное и которое должно быть принято на вѣру. Это лучшее всего выясняетъ какъ неотразимо стремленіе человѣческаго

*¹) Ueber die Gränzen der mechanischen Naturerklärung v. Hertling, стр. 22.

духа проникать за предѣлы, которыми ограничена возможность точного познанія законовъ природы; если же допустить, что спекуляція никогда не можетъ быть изгнана изъ науки, то становится очевиднымъ, что различие способа аргументаціи религіи и науки, теряетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значение. Експериментальный методъ, сохранивъ границахъ *научнаго метода* всю свою важность, уже не можетъ служить основною причиной разлада между наукой и религіей.

Эту причину слѣдуетъ искать въ историческомъ фактѣ вѣковой борьбы ультрамонтанизма и схоластики противъ свободы мысли и науки.

Христіанство первыхъ вѣковъ не страшилось вступать въ обмѣнъ мыслей съ наукой того времени; между нимъ и греческой философіей установилась даже нѣкоторая взаимная связь. За тѣмъ, въ эпоху варварства и переселенія народовъ, монастыри сдѣлались единственнымъ хранилищемъ науки, свѣтило коей могло бы совершенно погаснуть безъ нихъ, вслѣдствіе опустошенія тогдашней образованной части Европы сѣверными и восточными варварами. Отношенія основанныя на естественной связи, существующей между откровенною истинною и истинною науки, начинаютъ измѣняться *со временемъ* раздѣленія церквей *). Восточная церковь подпадаетъ подъ игу магометанскихъ народовъ, а западная получаетъ преобладающее значение и начинаетъ соединять

*) Главнѣйшія черты, характеризующія раздѣленіе, проявились задолго до формального отпаденія зап. католицизма отъ единства вселенской церкви.

въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власть. Подъ вліяніемъ мірскихъ интересовъ и развивающагося властолюбія, высшее духовное учение христіанской религіи отступаетъ, въ господствующей западной церкви, на второй планъ, формализмъ и схоластика, болѣе сродные средневѣковому паріарству, дѣлаются преобладающимъ направлениемъ. Съ подчиненіемъ высшихъ религіозныхъ интересовъ интересамъ властолюбія, западная церковь не могла не увлекаться все далѣе и далѣе по скользкому пути ультрамонтанизма и клерикальной схоластики,—по тому пути, который довелъ ее въ настоящее время до послѣднихъ крайностей, выразившихся въ енциклікѣ, силабурѣ и догматѣ напской непогрѣшности. Подобное направление, естественнымъ образомъ не могло съ своей стороны, уживаться съ свободой мысли и науки, оно не могло предоставить науку самостоятельному и независимому развитію—вслѣдствіе этого клерикальная схоластика стремится подавить всякое свободное научное движение въ Европѣ; наука не могла съ своей стороны не заявить протеста противъ схоластического гнета—такимъ образомъ возникъ антирелигіозный рабоціонализмъ.

Можно возразить противъ такого объясненія, что схоластическое отрицаніе свободы мысли имѣеть въ настоящее время болѣе теоретическое чѣмъ практическое значеніе;—несмотря на громы Ватикана, наука продолжаетъ развиваться въ настоящее время безъ всякаго стѣсненія, почти во всей Европѣ, затѣмъ возлѣ католицизма на западѣ стоять еще протестантізмъ, т. е. тоже на-

ІМІМІМІМІМІМІМІМІ

СІННІННІННІННІННІ

Житомирська міська

бібліотека

899

— 17 —

чало, благодаря которому наука получила возможность развиваться съ относительной свободой на съверѣ Германии въ такую эпоху, когда во всей остальной Европѣ господствовалъ схоластический гнѣтъ;—почему же именно въ настоящее время, когда въ дѣйствительности наука пользуется такою безусловною свободою развитія, какой она никогда не имѣла въ прежнее время, разладъ между наукой и религіей высказался сильнѣе чѣмъ когда либо?

Эта кажущаяся несообразность, объясняется однако весьма просто чѣмъ, что въ борьбѣ, которая возбуждается всегда страсти, направлѣніе дается большою частію дѣйствіями крайнихъ партій. Такимъ образомъ, со стороны представителей религіозной идеи, образъ дѣйствія крайней партіи, т. е. іезуитскаго ультрамонтанізма, долженъ неизбѣжно имѣть преобладающее влияніе на положеніе вопроса. Протестантізмъ *)

*) Мы не касаемся здѣсь православной церкви, потому что она не имѣть пока представителей въ мѣстныхъ западныхъ церквяхъ; кроме того, восточная церковь никогда не выступала дѣйствующимъ лицомъ въ борьбѣ противъ науки. Мы имѣемъ здѣсь, разумѣется въ виду, общее направлѣніе церкви; отдельные случаи изуїрства и антагонизма, могли проявляться въ средѣ мѣстныхъ церквей, но, это случайныя явленія не обусловленны общимъ настроеніемъ духа православной церкви. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи ей отдаются полную справедливость даже представители рационализма. Такъ напр. Драперь, въ изѣстномъ сочиненіи „Geschichte der Conflikte zwischen Religion und Wissenschaft“ (deutsche Ueber. v. Rosenthal. Leipzig. 1875) на стр. X предисловія, говоритъ слѣдующее: „Греческая церковь со временемъ восстановленія науки, въ сущности никогда не принимала не-

ние которого становится впрочемъ весьма затруднительнымъ вслѣдствіе противоположныхъ стремлений проявляющихся въ средѣ его представителей, изъ коихъ одни высказываютъ довольно открыто свое сочувствіе къ католическому ультрамонтанизму, а другіе переходить почти въ лагерь рационалистовъ,—иъ общемъ своемъ составѣ, какъ умѣренный элементъ, такъ сказать, стушевывается въ борьбѣ. Латинизмъ же, т. е. крайняя партия, дошла именно въ наше время, до послѣднихъ предѣловъ отрицанія свободы человѣческаго убѣжденія и свободы человѣческаго духа, рѣшившись провозгласить непреложность такихъ догматовъ, предъ которыми она сама останавливалась въ сомнѣніи въ прежнія времена. Если принять все это въ соображеніе, а также имѣть въ виду, что и въ средѣ представителей науки, главные толчки идутъ отъ сторонниковъ крайняго рационализма, то сдѣлается понятнымъ, почему борьба возгорѣлась такъ страстно и такъ открыто, именно въ наше время и почему все болѣе и болѣе, въ пылу борьбы, выска-

призненнаго положенія относительно развивающихся познаній, она, напротивъ того, постоянно мирилась съ знаніемъ. Съ какой бы стороны истина не являлась, она всегда допускала ее къ себѣ почтительно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда толкованіе откровенной истины и открытія науки, приходили къ прямому противорѣчію, она всегда выжидала разъясненій и соглашеній и сожданія ея, дѣйствительно, никогда не оказывались тщетными. Новѣйшая цивилизaciя (мы прибавимъ къ этому отъ себя: и укрѣленіе истинно религіознаго чувства) могло бы только выиграть еслибы римская церковь дѣйствовала такимъ же образомъ.⁴

зывается стремлениe смѣшивать понятіе религіи съ понятіемъ ультрамонтанізма и клерикализма.

Кромѣ того, въ глазахъ значительного большинства представителей доктрины, такъ называемой *культурной идеи*, опасность грозящая свободѣ, наукѣ и развитію человѣческаго духа и гражданской жизни, со стороны іезутизма и ультрамонтанізма, далеко еще не миновала. Въ данный моментъ, на практикѣ, наука не подвергается никакимъ стѣсненіямъ, по власти Ватикана не выпускаютъ изъ виду будущаго. Въ воспитаніи юношества, которое они стараются прибрать въ свои руки, они обладаютъ могущественнымъ орудіемъ вліянія на общественное мнѣніе будущихъ поколѣній,—затѣмъ, при конституціонномъ образѣ правленія, господствующемъ въ Европѣ, они, черезъ посредство фанатизированнаго народа, могутъ получить прямое вліяніе на государственную жизнь, на законодательство, а посему и на гражданскую жизнь и воспользоваться этимъ вліяніемъ для осуществленія на практикѣ, тѣхъ повидимому отвлеченныхъ положеній, провозглашеніемъ которыхъ они довольствуются въ настоящій моментъ. Самое провозглашеніе въ настоящее время послѣднихъ, доказываетъ что латинизмъ сознаетъ свою силу, а до чего дѣло можетъ дойти въ будущемъ, о томъ можно судить даже по многимъ явленіямъ настоящаго, напримѣръ по тому что происходитъ въ Баваріи. До какой степени это опасеніе сильно, особенно въ Германіи, можно усмотреть изъ содержанія многочисленныхъ современныхъ публикацій, касающихся этого вопроса,—такъ напр. одинъ изъ

самыхъ умѣренныхъ представителей современаго рационализма Проф. Мюнхенскаго Университета Фрошаммеръ, описываетъ весьма яркими красками опасность, грозящую свободному развитию науки, отъ могущества католического латинизма, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на необходимость усиленнаго противодѣйствія со стороны науки и литературы *).

Наконецъ надо обратить вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство. Въ прежнее время наука составляла достояніе почти однихъ ученыхъ и не проникала далеко за предѣлы этой среды, въ слѣдствіи того антинаучное направленіе клерикальной схоластики латинизма, могло весьма слабо отзываться на жизни самаго общества. Но въ настоящее время, когда наука или по крайней мѣрѣ результаты ея становятся достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, нравственная двойственность, по самому существу своему, не можетъ не отзываться фальшивой нотой и въ жизни общества. Къ этой двойственности можетъ равнодушно относиться только человѣкъ относящійся индиферентно или къ религіи или къ наукѣ. Но она не можетъ не ложиться гнетущимъ бременемъ на всякаго искреннаго и убѣжденнаго католика. Образованный католикъ не можетъ не сознавать значенія науки въ жизни общества и въ своей собственной жизни, онъ очевидно не можетъ отрѣшиться отъ этого вліянія, а между тѣмъ предъ нимъ,

*) Die Aufgabe der liberalen Presse im Kirchenpolitischen Streite der Gegenwart. Augs. Allg. Zeit. Mai 1873.

предъ его совѣтствомъ, ставится изрѣченіе верховнаго авторитета католицизма *), порицающее всякое самостоятельное научное изслѣдованіе.

Печальная необходимость въ которую поставленъ испрѣпленій католикъ: находить искусственный и логический исходъ изъ этихъ двухъ противуположныхъ требованій ума и совѣсти, далѣе самая неразборчивость тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибегаютъ ультрамонтаны клерикалы, для достиженія своей цѣли и явное отсутствіе правдивости, искренности въ іезунтскомъ направленіи, которое нельзя не признать господствующимъ въ современной католической церкви,— сдѣлались поводомъ къ противупоставленію вообще рационалистической нравственности—религіозной нравственной доктрины. Внося въ идею нравственности посторонніе понятія и посторонніе интересы и поставляя человѣка какъ-бы въ необходимость лицемѣрить съ своею совѣстю, религіозная теорія нравственности, по мнѣнію цѣлаго класса рационалистовъ, имѣть вредное влияніе на развиціе высшихъ элементовъ человѣческаго духа и человѣческаго характера, между тѣмъ какъ наука, посвящающая себя исключительно исканію чистой истины, можетъ только облагораживать характеръ, какъ отдельныхъ личностей, такъ и народа.

Такимъ образомъ эта историческая борьба, которая

*) Philosophicarum rerum mortuorumque Scientia, itemque civiles leges possunt et debent a divina et ecclesiastica auctoritate declinare.⁴ Syll. LVII. Die vatikanischen Decrete von W. E. Gladstone, d. Ueber. Nördlingen 1875. стр. 52.

въ сущности есть борьба между крайними направлени-
ми въ средѣ представителей религіи и представителей
науки, не только обобщилась въ общественномъ понятіи
Европы въ борьбу между *религіей* и *наукой*, но охва-
тила даже область нравственной жизни, противупостав-
ляя религіозной нравственной доктринѣ, рационалисти-
ческую нравственную доктрину, т. е. пришла характеръ
получившій въ Германіи название *культуркампа*, при
чемъ понятіе *культурной идеи*, въ томъ значеніи кото-
рое придается ему одна сторона, представляется прямою
противоположностію понятія *христіанской идеи* *).

*) Авторъ изѣстной философіи безсознательного Гартманъ, въ
статьѣ, „разложеніе христіанства“ съ рѣзкою ясностью характери-
зуетъ значеніе культуркампа слѣдующими словами: „Постѣдний и
внутренний смыслъ этой борбы заключается въ вопросѣ—что важнѣе
въ сознаніи человѣчества, настоящая или будущая жизнь, земное или
небесное, нѣчное или настоящее, духовное или мірское, христіанскіе
или культурные интересы?... Многіе пишутъ и говорять о культур-
кампѣ, но не многіе выяснили себѣ, что это послѣдняя отчаянная
борьба христіанскихъ идей, сходящихъ со сцены исторіи, идей про-
тивъ которыхъ новѣйшая культура должна отставать на жизнь и смерть,
съ употребленіемъ послѣднихъ силъ, свои высшія достоинства (Eigenthe-
schaften).“ *Culturkampf von D. A. Ph. v. Segesser, Bern 1875.* стр. 51.

III.

Мечтающие основать нравственную доктрину, на антихристянской культурной идее, забывают прежде всего въ своемъ увлечениі, что идеи и върованія девятнадцати вѣковъ не могли не оставить глубокаго отпечатка, на нравственномъ и умственномъ развитіи людей, отпечатка, отъ которого никто вполнѣ отрѣшится не можетъ. Самый крайній рационалистъ не можетъ думать, что его духовное и умственное развитіе произошло совершиенно виѣ всякаго вліянія христіанскихъ понятій. Даже въ настоящее время, даже при нынѣ господствующемъ невѣріи, христіанскія нравственные воззрѣнія и понятія, въ большей или меньшей чистотѣ, въ большей или меньшей полнотѣ, окружаютъ насъ какъ-бы особеною христіанскою атмосферою съ самихъ раннихъ дней юности. Вотъ почему прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что еслибы даже удалось доказать возможность развитія культуры, стоящей виѣ всякаго религіознаго основанія, то эта культура, все-же, не могла бы имѣть вполнѣ антихристіанского характера. Защитники новѣйшей культурной идеи, впрочемъ, не вполнѣ отказываются отъ наслѣдства, которое перешло къ нимъ

отъ христіанства, но включая въ свой нравственный кодексъ, значительную часть христіанской нравственной доктрины, они вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся основать эту доктрину, на совершенно самостоятельной почвѣ, такъ какъ по ихъ убѣжденію, нравственная жизнь людей уже не нуждается болѣе въ опорѣ религіознаго авторитета, который могъ-бы только ослабить силу и значение чистой нравственной истины.

Но возможно ли подобное отдѣленіе нравственности отъ религіи?

Наука и исторія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ безусловно отрицательно. До сихъ поръ философія еще не выработала теоріи нравственности основанной на самостоятельной почвѣ—которая-бы не была опровергнута. Внѣ христіанства до сихъ поръ еще не найдено живаго основанія для нравственности. Съ другой стороны исторія не представляетъ намъ ни одного примера народа, племени или общества живущаго и развивающагося исключительно на началахъ рациональной морали, внѣ всякой связи съ религіозными понятіями. Та же исторія указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ что только въ средѣ христіанского общества нравственность и умственная дѣятельность находили необходимыя условія прогрессивнаго развитія; въ слѣдствіе того христіанскіе народы стоятъ во главѣ цивилизаціи, можно даже сказать что чѣмъ искреннѣе и духовнѣе индивидуальное религіозно-христіанское чувство проявлялось въ средѣ извѣстнаго народа, чѣмъ меньше къ нему примѣшива-

лось суперія, тѣмъ высшей степени интелектуального и политического развитія достигалъ такой народъ *).

Для обузданія почти всеподавляющаго чувства эгоизма господствующаго въ людяхъ необходимо другое, столь же сильное чувство проникающее сердце человѣка, а такое чувство можетъ быть порождено въ сердцахъ людей только христіанствомъ.—Эгоизмъ въ нормальныхъ границахъ необходимъ, ибо онъ является условиемъ самосохраненія, отсутствие его уничтожило бы жизнь—но при исключительномъ или даже преобладающемъ развитіи, онъ приводить къ весьма бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Для того чтобы это чувство не могло уклониться въ крайность, ему необходимъ противовѣсь, который онъ находитъ въ началѣ любви къ ближнимъ; равномѣрное сочетаніе этихъ двухъ началь производитъ нормальную гармонію въ жизни, а всякое нарушеніе равновѣсія порождаетъ зло. Это понятіе превосходно выражено словами Иисуса Христа „возлюби

*) Если Германія, Англія и Соединенные Штаты стоятъ на высшей степени интелектуального и политического развитія чѣмъ латинскія народности каждой Европы—то это нельзя не приписать тому обстоятельству, что христіанская идея всеобщей солидарности и взаимной любви полифе и чище олицетворялась въ жизни протестантского, англиканского, пуританского и пресвитеріанского обществъ, чѣмъ напр. въ Испаніи съ ея инквизиціей.—Мы вполнѣ сознаемъ послѣдствіе отрицанія въ протестантизмѣ реальной идеи Церкви, но эти отрицательныя послѣдствія начинаютъ высказываться вполнѣ только на нашихъ глазахъ, съ XIX-го столѣтія, между тѣмъ какъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ явно преобладало влияніе положительныхъ качествъ реформы.

ближняго твоего какъ самого себя". Приведенными словами не отрицается любовь къ самому себѣ (эгоизмъ), не требуется чтобы любовь къ ближнимъ превосходила любовь къ самому себѣ, но устанавливается между этими двумя началами полное нравственное равновѣсіе.

Почему однако подобный тезисъ не могъ бы быть предметомъ ученія рациональной нравственной доктрины, лишенной всякаго сверхъестественнаго, откровеннаго, религіознаго характера? Въ сочиненіяхъ Руссо мы видимъ заявленіе самой пламенной, самой восторженной любви къ ближнимъ, туже любовь, туже общность человѣчества проповѣдуется Сень-Симонъ. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса на сколько необходимость такой любви къ ближнимъ можетъ быть логически выведена изъ рационалистического основанія, виѣ христіанскаго понятія о Божествѣ *), достаточно замѣтить что во всякомъ случаѣ исключительно рациональная доктрина всегда останется безсильною въ дѣлѣ обузданія людскихъ страстей, порождаемыхъ преобладающимъ развитиемъ эгоизма. Изъ твореній Руссо и С. Симона, массы извлекали всегда только то что лъстило имъ страсти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на тѣ идеальные начала, которыя выставлены въ нихъ какъ средства для господства надъ порывами страстей; при томъ можно очень хорошо сознавать что правильно и дѣйствовать болѣе или менѣе сознательно въ другомъ

*.) Вопросъ этотъ развѣтъ вполнѣ ясно въ замѣчательномъ сочиненіи А. Гусева „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству" Спб. 1874 стр. 150—159.

противуположномъ направлениі. Всякая исключительно рациональная доктрина бессильна, потому что она можетъ только указать на извѣстный идеалъ, одна религія въ состояніи, не ограничиваясь указаніемъ, сообщать людямъ силу побуждающую ихъ стремиться къ достижению этого идеала.—Предположимъ что рационализмъ, подобно христіанству, можетъ выставить тезисъ „возлюби ближняго твоего какъ самаго себя“—но онъ не можетъ послѣдовать за христіанствомъ въ постановкѣ втораго, тѣсно связаннаго съ предшествующимъ, тезиса „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твонмъ, всею душою твою и вѣнь разумѣніемъ твонмъ“. А безъ послѣдняго первый тезисъ остается бессильнымъ отвлеченнымъ понятіемъ, какъ это доказываетъ исторический опытъ. Не слѣдуетъ только обманывать себя въ этомъ отношеніи несбыточными надеждами. *Когда религиозное чувство гаснетъ въ средѣ общества, его мѣсто всегда заступаетъ материализмъ, т. е. отрицаніе всякаго идеала въ жизни и преобладаніе въ ней господства животныхъ инстинктовъ, уже не стѣсняемое никакими высшими началами.* Отдельныя личности могутъ въ этомъ отношеніи представлять исключеніе, но относительно массы, это можно принять за непреложный законъ. А до какихъ животныхъ крайностей можетъ доходить, даже въ средѣ христіанского общества, человѣкъ вполнѣ отрѣшившійся отъ религіи и предавшійся господству своихъ страстей, тому не трудно указать примѣры въ современной жизни каждой страны *).

*) Россія въ этомъ случаѣ не составляетъ исключения. Нашу ли-

Бессилие рационалистической доктрины въ дѣлѣ обузданія человѣческаго эгоизма и человѣческихъ страстей до того очевидно, что, даже въ средѣ рационалистовъ, большинство вполнѣ соглашается съ невозможностію основать нравственную доктрину въ человѣческомъ обществѣ, виѣ религіознаго начала. Всѣдѣствие этого убѣжденія въ умѣренномъ рационализмѣ высказываются нынѣ два различнія стремленія.

Первое, болѣе искреннее, но менѣе постѣдовательное— стремится къ упрощенію христіанской религіи исключениемъ изъ нея всего того, что не сходится съ по-
нятіями рационализма и главнымъ образомъ всяко-

тературу нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не указывала на тѣ темныи и грустныи картины, которыхъ проявляются въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, всѣдѣствіе уничтоженія въ нихъ средѣ всякой высшей нравственной мысли, всякаго идеала. Возьмемъ для примѣра Голосъ 18 сентября (258). Въ фельетонѣ его (очерки литературы), мы читаемъ слѣдующія слова: Русская провинція, особый миръ мало изслѣдованный... такъ называемое наше возрожденіе съ возникновеніемъ желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ банковъ и проч. вызвало новую форму цивилизованнаго варварства въ разгульности животныхъ инстинктовъ, съ оскудѣніемъ умственнаго горизонта и отсутствіемъ нравственныхъ потребностей.. Представьте себѣ тотъ миръ и передѣ вами встасть картина поразительная во своей отвратительности. Безотрадный скептицизмъ и отчаяніе—вотъ настоящій нравственный фонъ этой картины, безъ малѣйшаго слѣтлаго луча или проблеска сѣта; это уже не земное царство, а грязное и дикое царство, где нравственные кодексы не существуютъ, где человѣческая личность стирается и гибнетъ подъ напоромъ стихийной дикости, где грозные инстинкты представляются чуть-ли не грандиозною и всесокрушающей силой...
\\

сверхъестественного проявления Божеского могущества. Другое направление более послѣдовательное, но менѣе искреннее, указываетъ на необходимость сохранить религію, въ видѣ полезнаго орудія, которымъ можно дѣйствовать на массы, лишая однако это орудіе всякаго внутренняго, самостоятельнаго, живаго содержанія.

Мы назвали первое направление непослѣдовательнымъ, потому что стремленіе сдѣлать религію вполнѣ доступною разуму, исключениемъ изъ нея всего сверхъестественного, заключающіе противурѣчіе въ самомъ себѣ, ибо ведетъ непосредственно къ преобразованію религіи въ раціональную нравственную доктрину—т. е. именно къ тому, что послѣдователи этого направленія считаютъ недостаточнымъ для жизни и развитія общества. Какъ скоро религія становится во всѣхъ своихъ частяхъ доступною разуму, какъ скоро она отдѣляется отъ сверхъестественного, она тѣмъ самимъ теряетъ свое существо и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность вліять на духовное настроеніе людей. Если ограничиваться въ религіозномъ отношеніи предѣлами ума, то нельзя не прийти логически къ материализму или скептицизму. Денізмъ, естественная раціональная религія—все это ничто иное какъ неудачные попытки сохранить духовно-идеальное начало въ жизни, попытки благородныхъ непослѣдовательныхъ умовъ, опасающихся послѣдствій развитія материализма въ обществѣ, но не имѣющихъ достаточно рѣшимости, чтобы отказаться отъ обыкновенныхъ господствующихъ въ средѣ раціонализма воззрѣний на сверхъестественное въ христіанской доктринѣ.

Рационалисты, утверждающие, что между положительным христианством и натурализмом или материализмом не быть ничего среднего, могущаго выдержать критику,— гораздо послѣдовательнѣе действъ... Можетъ быть самая непослѣдовательность действъ служить лучшимъ доказательствомъ тому какъ трудно, какъ неестественно дается человѣку всякое отреченіе отъ идеи Божества; ставъ на путь отрицанія онъ еще какъ бы предпочитаетъ искусственную аргументацію скрыть отъ себя свою логическую непослѣдовательность, чѣмъ дойти до логическихъ предѣловъ отрицанія. Какъ бы то ни было, но, повторяемъ, чистые рационалисты дѣйствуютъ логичиѣ, становясь откровенно на точку зрѣнія натурализма, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, многіе изъ нихъ сознавая безсиліе того начала, къ которому они пришли, считаютъ необходимымъ сохранить религію при настоящихъ условіяхъ развитія общества, какъ начало ограждающее отъ чрезмѣрного развитія страстей.— Какое странное заблужденіе однако предполагать что праственное развитіе народа можетъ быть основано на обманѣ, а съ точки зрѣнія рационалистовъ, отвергающихъ религиозную истину, народная религія не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ обманомъ. Подобное отношеніе къ дѣлу не только противурѣчить вполнѣ христианскимъ понятіямъ, но оно идетъ даже далѣе антихристианской культурной идеи, возвращаясь на точку зрѣнія нѣкоторыхъ философскихъ школъ до-христианского времени. Между тѣмъ какъ въ основаніи христианского ученія лежитъ искренность и истина, означенное от-

ношениe къ дѣлу религіи сознательно высказывается въ пользу неискренности и обмана (*frams pia* древнихъ); между тѣмъ какъ христіанское учение признаетъ всѣхъ, и большихъ и малыхъ равными предъ Богомъ, послѣднее воззрѣніе въ гордой самоувѣренности присвоиваетъ высшимъ, образованнымъ личностямъ право внутренняго отрицанія, скептицизма—сохраняя религію только для народа, не могущаго возвыситься до чисто раціоналистическихъ понятій.—Исторія до-христіанскихъ временъ показала намъ, къ чему приводить подобная теорія основывающая развитіе общества на сознательномъ отрицаніи истины.

Можно ли оспаривать, что крайніе раціоналисты, которые, отвергал религію безусловно, стараются основать народное развитіе исключительно на раціонально-нравственной идеѣ, стоять на несравненно высшей нравственной почвѣ, не отклонясь отъ того, что они признаютъ истину. Если же не смотря на то, число ихъ составляетъ незначительное меньшинство въ сравненіи съ представителями другихъ раціоналистическихъ направлений—то не служить ли это лучшимъ доказательствомъ того, какъ очевидна невозможность основать какое либо нравственно-культурное развитіе въ обществѣ виѣ началь положительной религіи, виѣ христіанского ученія?

IV.

Изъ вышеизложенного мы усматриваемъ что противу-
поставленіе *культурной* идеи христіанской идеї, ли-
шено разумнаго основанія и можетъ быть объяснено
только какъ послѣдствіе страннаго смѣшенія понятій
вызваннаго возбужденіемъ борьбы. До тѣхъ поръ пока
защитники антихристіанской культурной идеи не дока-
жутъ, что общество можетъ существовать и развиваться
безъ религіозныхъ убѣждений, или не докажутъ, что
обманъ можетъ сдѣлаться основаніемъ развитія человѣ-
ческой культуры—до тѣхъ поръ останется неопро-
вержимымъ, что *истинное живое христіанство пред-
ставляетъ необходимое культурное условіе человѣческаго
общества.*

Если же развитіе культуры человѣческаго духа дол-
жно быть озарено какъ свѣтомъ христіанства такъ и
свѣтомъ науки, то уже *a priori* можно сказать что
между этими двумя элементами не можетъ быть су-
щественнаго противурѣчія,—что это двѣ различные, но
не исключающія другъ друга силы, направленныя къ
одной и той же цѣли. Самые возвышенные умы, напр.
Ньютона соединяли высокую ученость съ искреннею

религіозностю—а возможно-ли было такое сочетание, если бы означенныя понятія взаимно исключали другъ друга? Указывая на причины вызвавшія борьбу между представителями науки и представителями религії, мы косвенно указали и на виѣшній, не лежащий въ существѣ дѣла, характеръ этихъ причинъ. Не смотря на то, мы считаемъ, необходимымъ еще нѣсколько болѣе развить здѣсь эту мысль, въ виду господствующаго, не только въ средѣ представителей крайняго ультрамонтанизма, но и въ средѣ крайнихъ представителей научнаго направлениія, понятія о несовмѣстности науки и религії.

Наука и религія могли бы исключать другъ друга только въ томъ случаѣ, еслибы онѣ могли встрѣчаться, вооруженные различными методами, въ одной и той же области; ни различие методовъ примѣнляемыхъ въ различныхъ областяхъ, ни встрѣча въ одной области, при однообразныхъ методахъ—не можетъ имѣть подобнаго результата. Только если бы известное понятіе, обусловленное религіознымъ вѣрованіемъ, могло отрицаться наукой на основаніи положительныхъ данныхъ, пр ovренныхъ опытомъ, только тогда гармоническое развитіе этихъ двухъ направлений человѣческаго духа стало бы невозможнымъ, ибо тогда религія была бы поставлена въ необходимость подавлять науку для обезспеченія своего существованія, а наука по той-же причинѣ—отрицать истину религії; по такого сочетанія мы въ дѣйствительности нигдѣ не видимъ.

Божественное откровеніе раскрываетъ предъ человѣ-

ческимъ духомъ высшія истины человѣческаго назначенія. Эти истины, по своему сродству съ естествомъ человѣческаго духа доступны сознанію людей находящихся на весьма различныхъ степеняхъ развитія. Но, касаясь человѣческой жизни, религія должна была касаться и тѣхъ виѣшнихъ условій въ средѣ которыхъ послѣдняя проявляется, при чемъ очевидно она могла относиться къ нимъ только въ формѣ обычныхъ понятій данного времени, иначе самое содержаніе откровенія оставалось бы недоступнымъ человѣчеству. Обычные же понятія объ окружающихъ человѣка явленіяхъ виѣшней жизни, слагаются не сообразно дѣйствительному существу этихъ явленій, а сообразно тому въ какомъ видѣ они представляются людямъ. Мы можемъ видѣть, изъ примѣра нашей ежедневной жизни, до какой степени могущественно это виѣшнее впечатлѣніе. Мы ежедневно говоримъ о восходѣ и закатѣ солнца, очень хорошо сознавая что не солнце, а земля обращается около солнца,—но для насъ, обитателей земли, какъ впечатлѣніе—это явленіе представляется восходомъ и закатомъ солнца, потому иначе и не выражается ни наша обычная рѣчь, ни наша литература, ни наша поэзія, ни даже естественная наука—наконецъ русская рѣчь даже совершенно не обладаетъ выраженіемъ соответствующимъ астрономическому понятію означеннаго явленія. Различие между выраженіемъ обычныхъ понятій и указаніями точныхъ наукъ есть, по этому, фактъ естественный, неизбѣжный, никакъ не поставляющей науку въ противоположность съ религіей. Только при раб-

скомъ слѣдованиії одной букви священнаго текста можно видѣть въ обычныхъ понатіяхъ о явленіяхъ виѣшняго міра, воспроизведеныхъ Священнымъ Писаніемъ, при по-вѣствованії о томъ или другомъ происшествіи—существенную область религіи и выводить изъ этого возможность встрѣчи въ одной и той же области науки и религіи, вооруженныхъ различными методами. Такимъ образомъ можетъ смотрѣть на дѣло только узкая схоластика или неправдивое преднастроеніе ума нѣкоторыхъ дѣятелей противоположнаго направленія, желающихъ, въ ущербъ истинѣ и разуму, доказать несовмѣстность религіи и науки въ развитіи человѣческаго духа.

Но, Священное Писаніе заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, ученіе о мірозданіи, космологическую часть, данныя которой получаютъ положительное значеніе по своему вліянію на догматическое изложеніе вѣры. Въ этомъ ученіи область религіи не только соприкасается съ областью науки, но обѣ области переходятъ одна въ другую и даже сливаются совершенно—за тѣмъ остается только вопросъ метода. Положительныя данныя священной космологіи имѣютъ назначеніемъ изложеніе общихъ основныхъ идей акта творчества, на сколько это необходимо для познанія нравственныхъ и бытовыхъ истинъ существованія и для разъясненія человѣкамъ нравственной и духовной стороны ихъ отношений къ Богу, къ подобнымъ имъ существамъ и ко всему остальному міру. По этому и здѣсь можно отличать внутреннее содержаніе отъ виѣшней формы изложенія, не требуя

рабского придерживанія буквѣ. Если же затѣмъ и по внутреннему содержанію космологіи, область религіи сливается съ областью науки, то это только вслѣдствіе непреодолимости стремленія человѣческой мысли проникать за предѣлы, которыми ограничена область положительного знанія, а за этими предѣлами наука должна отказаться отъ экспериментального метода изслѣдованія и принуждена довольствоваться спекулятивнымъ методомъ, при чёмъ ея выводы могутъ имѣть только значеніе *ипотезы*; такъ что и въ настоящемъ случаѣ не оказывается того кореннаго условія разлада между религіей и наукой, на которое выше указано, мы видимъ здѣсь общую область религіи и науки, но, при однообразіи метода изслѣдованія, точно также какъ передъ тѣмъ мы видѣли разнообразіе метода, но примѣняемое въ различныхъ областяхъ.

Вникая глубже въ предметъ, нельзя не прійтти къ заключенію, что въ разрѣшеніи общаго человѣческаго вопроса о вѣрѣ и невѣріи—наука также мало можетъ имѣть вліяніе абсолютно отрицательное какъ и абсолютно-положительное; въ этомъ случаѣ научныя данныя играютъ совершенно ту же роль какъ и обычныя свѣдѣнія почертаемыя изъ явленій ежедневной жизни. Каждый человѣкъ находится подъ вліяніемъ впечатлѣній производимыхъ на него фактами окружающаго міра. Какимъ образомъ эти факты, эти виѣшнія явленія отзовутся на немъ — обусловливается индивидуальнымъ настроениемъ каждого. Одного, по условіямъ его духа, сильнѣе поражаетъ духовная, другихъ мате-

ріальная сторона явлений. Въ каждомъ лично, можно сказать, источникъ вѣры или сомнѣнія. Такъ напр. никто изъ насъ въ ежедневной жизни не встрѣчался съ виѣшними проявленіями сверхъестественной силы, каждый могъ убѣдиться, что со смертю тѣло человѣка разлагается и послѣ него повидимому ничего не остается, между тѣмъ тотъ же жизненный опытъ приводить однихъ къ материализму, вселяя въ нихъ убѣженіе, что за предѣлами вещественного міра ничего не существуетъ, а другихъ къ прямо противоположному убѣженію. Совершенно также дѣйствуютъ и научныи данные. Астрономія разъясняетъ намъ что земля не есть центръ всего мірозданія, что она только мелкій атомъ въ средѣ массы міровъ. Это разъясненіе подавляетъ однихъ материальною стороною впечатлѣнія; если земля атомъ міра, то, что значить человѣкъ, ничтожный атомъ атома, можетъ ли такая материальная ничтожность быть предметомъ заботливости божескаго провидѣнія, какъ это учить христіанская доктрина?—другихъ же, напротивъ того, при этомъ фактѣ поражаетъ мысль, что такая незначительная по своему материальному объему частица міра какъ человѣкъ, своимъ духомъ дошелъ до познанія законовъ, обусловливающихъ міровое движение массъ, подавляющихъ всякое понятіе своею громадностію. Драперь будетъ основывать на этомъ законѣ свой скептицизмъ, а Ньютонъ будетъ почерпать въ немъ усиленіе своего религіознаго чувства. Тоже самое можно сказать и про всякое другое научное открытие и предположеніе.

И такъ научныя данныя, точно также какъ и факты ежедневной жизни, могутъ возбуждать и вѣру и скептицизмъ,—тотъ-же самый фактъ можетъ дѣйствовать на одного человѣка въ одномъ а на другаго въ другомъ совершенно противоположномъ смыслѣ, смотря по индивидуальному настроению каждого и склонности поддаваться болѣе материальной или духовной сторонѣ впечатлѣній; по этому утверждать что научныя понятія *по существу* своему исключаютъ возможность религіозныхъ понятій и противопоставлять культурную идею христіанской, было бы также неосновательно какъ и предполагать что религія не можетъ уживаться съ обыденными понятіями почерпаемыми изъ опыта ежедневной жизни.

Но, для того чтобы наука и религія не встрѣчались враждебно, необходимо какъ съ той такъ и съ другой стороны взаимное уваженіе, искренность и правдивость въ отношеніяхъ; необходимо чтобы представители науки въ своихъ возраженіяхъ на ученіе христіанства, не придавали научныхъ *инотезамъ* значенія положительно доказанныхъ истинъ и не смѣшивали продукты спекуляціи съ положительными данными, добытыми путемъ экспериментальнаго метода *); необходимо съ другой сто-

*) Одна изъ самыхъ обычновенныхъ аргументаций въ средѣ иѣконастовъ представителей науки такова: „такъ какъ возможность сверхъестественного нельзѧ допустить, то откровенная религія можетъ быть только продуктомъ человѣческаго воображенія и суеты“. При безпредвзятомъ и правдивомъ отношеніи къ вопросу, нельзѧ не видѣть первого взгляда, что вся эта аргументація построена на недоказа-

роны чтобы представители религіи не порицали всякое свободное и самостоятельное изслѣдование человѣческаго ума, т. е. воздерживались отъ той крайности изувѣрства, которая можетъ породить только невѣріе и скептицизмъ.

занимъ основаній, если не считать предѣловъ возможнаго научнаго доказательства предѣлами *возможнаго* вообще.

V.

Сводя вмѣстъ все предшествующее, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію.—Между религіей и наукой не существуетъ внутреннихъ основныхъ причинъ разлада. Всякое развитіе человѣческаго общества виѣ христіанской идеи неудобомыслимо. Не смотря на это несомнѣнно, что борьба между религіей и наукой ведется въ настоящее время съ крайнимъ ожесточеніемъ и получила неизвѣстное въ прежнія времена распространеніе въ средѣ общества. Явленіе это вызвано прежде всего крайностями отрицанія свободы мысли и науки, до котораго дошли представители религіознаго ультрамонтанизма,—но, съ другой стороны и наука, въ лицѣ, если и не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительного числа своихъ представителей, впала, подъ вліяніемъ возбужденія борьбы, въ ту-же крайность. Ультрамонтанизму представителей религіи, противупоставляется отрицательный ультрамонтанизмъ, проникнутый не меньшимъ фанатизмомъ, представителей натурализма, провозглашающихъ въ свою пользу тотъ же догматъ непогрѣшимости; борьба происходитъ не между вѣрою и точ-

нымъ знаніемъ, а между религіознымъ и научнымъ съ-
прованіями.

Какъ ни велика сила религіознаго ультрамонтанизма, но она должна постепенно клониться къ упадку; могущество ультрамонтанизма не можетъ устоять противъ напора двухъ еще болѣе могущественныхъ элементовъ, которые коалируются противъ него, а именно, противъ душевной теплоты и искренности христіанской мысли и противъ свѣта истинной науки. Вследствіе того настоящая борьба все болѣе и болѣе будетъ превращаться въ борьбу истинно-религіознаго чувства, какъ оно высказывается въ существѣ христіанской идеи, противъ отрицанія псевдо-научнаго натурализма. Если судить о послѣднихъ двухъ направлениихъ „по плодамъ ихъ“ и по возможному вліянію каждого на дальнѣйшее развитіе человѣческаго духа, то нельзя не вынести убѣжденія, что рано или поздно побѣда должна выпасть на долю христіанскаго начала надъ началомъ, мертвящаго человѣческій духъ, отрицанія. Чтобы оцѣнить на которой сторонѣ болѣе задатковъ нравственной жизни и нравственнаго развитія, достаточно сравнить сущность христіанской идеи съ сущностью натурализма. Въ вышеуказанной брошюрѣ Сегесера мы находимъ слѣдующее, весьма краткое, но весьма ясное и весьма рельефное сопоставленіе этихъ двухъ началъ:

„Новѣйшее мировоззрѣніе представляетъ дѣйствительно полнѣйшую противоположность ученію христіанской нравственности. Въ чёмъ бы ни искало, новѣйшее ученіе, метафизического начала всего существованія — въ слу-

чайности-ли или въ бессознательной силѣ, дѣйствующей по извѣстному, какъ бы предначертанному, направленію, во всякомъ случаѣ въ этомъ учениі не можетъ быть мѣста понятію о всемогущемъ и всемудромъ Создателѣ, существующемъ въ мірѣ. Еще менѣе, система абсолютно-дѣйствующихъ законовъ и представлена гармоніи можетъ допустить идею божескаго управления міромъ. Человѣкъ совершенно не потерялъ первообразного богоподобія, онъ никогда не обладалъ тако-
вымъ, напротивъ того человѣчество развилось, вслѣд-
ствіи дѣйствія естественныхъ силъ, изъ животной фор-
мы въ свою настоящую болѣе совершенную форму.
Оно не нуждается, вслѣдствіи того, ни въ Искупленіи
ни въ Божественномъ Спасителѣ. Воплощеніе Бога — ме-
тафизическая невозможность, точно также какъ рожде-
ніе отъ Дѣви (Porthenogenesis) представляетъ естествен-
но-историческую невозможность. Благодаря присущей
ему физической и психической организаціи, человѣкъ въ
состоіїи познать все, что ему нужно вѣдать и что
вообще лежитъ въ области знанія, по этому онъ не
нуждается ни въ откровеніи, ни въ вѣрѣ. Назначеніе
человѣка оканчивается съ разрушениемъ его тѣла, ни-
какой другой жизни, ни награды, ни наказанія не су-
ществуетъ; погружение въ *ничто* составляетъ высшее
блаженство. Единственная цѣль нашего существованія
на землѣ заключается въ исполненіи обязанностей, обу-
словливаемыхъ родовыми понятіями. (*Gattungsbegriff*), ос-
новнымъ закономъ слѣдуетъ по этому считать не любовь
а борьбу за существованіе; логическое начало новѣй-

шаго міроученія, въ противуположность христіанскому отрѣченію, заключается въ безусловномъ эгоизмѣ, на него долженъ опереться нравственный законъ. При завершениі развитія міра земнымъ человѣчествомъ, при обусловленіі главнѣйшихъ цѣлей жизни родовыми понятіями, посмертное погруженіе въ *ничто* должно естественнымъ образомъ представляться человѣку—высшимъ блаженствомъ. Какая другая цѣль можетъ представиться людямъ при подобномъ міровоззрѣнії? Блага, которая обыкновенно признаются высшими, не могутъ имѣть въ ихъ глазахъ ни какой цѣни. Религія для нихъ не существуетъ, потому что они не нуждаются ни въ Богѣ ни въ общеніи съ Богомъ. Политическая свобода должна представляться имъ безсмыслѣемъ, такъ какъ они не признаютъ естественной свободы, подчиняя всѣ проявленія жизни неизмѣннымъ законамъ природы. Свободу мысли они должны отвергать въ самомъ основаніи, такъ какъ мозгъ механическимъ образомъ исполняетъ функціи мышленія. Съ понятіемъ обѣ отечествѣ они могутъ соединять только понятіе подобное понатію мѣсторожденія растенія или пастбища животнаго. Семейство оканчиваетъ свою задачу воспроизведеніемъ и первоначальнымъ питаніемъ. Государство существуетъ только для регулированія борьбы индивидуумовъ за существованіе. Пессимизмъ, видящій въ существованії *зло* и въ окончательномъ *небытії* блаженство, долженъ развиваться естественнымъ образомъ въ умахъ послѣдователей подчинающихъ подобному воззрѣнію.—Наслаждайся, осушай до дна полную чашу радос-

тей дня, потому что завтра тебя не станетъ. Нравственная доктрина вытекающая изъ натурализма не можетъ прийти логически къ другому результату. Самые глубокомысленные послѣдователи этого направления: Штраусъ, Геккель, Гартманъ—впадаютъ въ почти безсмысленные фразы, какъ скоро они пытаются соорудить положительное строеніе, на мѣстѣ того, которое они, по ихъ мнѣнію, разрушили.⁴

„Христіанское ученіе, въ прямой противуположности съ этимъ міровоззрѣніемъ, слѣдя ветхозавѣтному по-вѣствованію, принимаетъ что Богъ взялъ тѣло человѣка отъ земли и вдунулъ въ него бессмертную душу. Тѣло служить связью человѣка съ земнымъ а пребывающій въ немъ Духъ Божій (дыханіе жизни) связью съ высшимъ невещественнымъ порядкомъ. Человѣкъ является такимъ образомъ результатомъ самостоятельного творческаго акта. Постановляя окончательно цѣлію человѣческаго существованія—уподобленіе Богу, христіанское ученіе не останавливается на созданіи тѣлеснаго человѣка, а идетъ еще шагомъ далѣе въ развитіи созданного, завершаясь воскресеніемъ; духовное начало человѣческаго индивидуума, его творящая душа, продолжаетъ существовать послѣ смерти, переходя, смотри потому направленію, которое приняло ея развитіе втеченіе земной жизни, въ силу предоставленной человѣку свободы воли,—въ высшее уподобляющеся Богу существованіе, или ниспадая въ низшую сферу. Сила воли, дающая человѣку возможность слѣдовать божественному

закону жизни, въ противность естественному закону животнаго существованія, сообщается ему божественною благодатию, которая, осыпая его духовныя способности върою въ откровенную истину, сближаетъ или согласуетъ его волю съ волею Божией. Первоначальное существо человѣческой свободы извращено грѣхопаденiemъ, вслѣдствіе того, для направленія человѣческаго развитія опять въ другую сторону, для возстановленія возможности достиженія совершенства, явилась необходимость новаго творческаго акта: Спасенія посредствомъ Искупленія. Такимъ образомъ учение о спасеніи соединяется съ учениемъ о созданіи и каждое представляетъ самостоятельный творческій актъ Божества. Божественный Спаситель явился въ лицѣ Иисуса Христа и человѣческими устами изрѣкъ новый законъ (запѣть) подобно тому какъ Отецъ далъ прародителямъ вѣтхій законъ (запѣть). Откровенный божескій законъ сохраняется въ сознаніи человѣческаго общества дѣйствиемъ Духа Святаго. Такимъ образомъ возлѣ закона природы стоять откровенный законъ высшаго міра и въ господствѣ втораго надъ первымъ, въ торжествѣ Духа надъ матеріею (плотію), заключается торжество человѣческой свободы—совершенство христіанина. Духъ вложенный Богомъ въ человѣка, развиваясь въ немъ господствомъ надъ материальною формою, индивидуализируется къ бессмертию. Въ совершенной противуположности съ блаженствомъ *не бытія* конечная цѣль христіанина заключается въ блаженствѣ *полного бытія* и вѣчнаго покоя въ созерцаніи Бога, какъ выражается

Писаніє. Совершенно неправильно, потому, было бы утверждать, что христіанство основано на пессимистическомъ воззрѣніи на міръ. Міръ для христіанина дѣйствительно не есть высшее наиболѣе желаемое благо, законъ міра противопоставляется божественному закону, но міръ представляетъ для него средство для достиженія цѣли и съ этой точки зрѣнія добро; въ борьбѣ съ земною жизнью долженъ развиваться и возвышаться духъ, чрезъ эту борьбу онъ долженъ пройти чтобы пріобрѣсть высшую форму; земное составляетъ переходную ступень отъ небытія къ совершенному бытію. Идея созданія и идея спасенія составляютъ метафизическое основаніе христіанства, вѣра и любовь—законы христіанской жизни и на нихъ основывается христіанская культура. Какъ совершенно иначе представляется жизнь человѣчества на этихъ основаніяхъ, въ сравненіи съ тѣми понятіями, которыя полагаются въ основаніе новѣйшей культуры въ противоположность христіанству! Каждый человѣкъ уже не можетъ видѣть цѣли своего существованія въ томъ, чтобы исчерпать до дна чашу егоистическихъ наслажденій эфемерной жизни, онъ уже не видитъ въ себѣ исключительно члена опредѣленного вида естественныхъ существъ, а видитъ въ себѣ члена духовной общини, которая стремится примкнуть къ высшимъ порядкамъ, начало которой онъ находитъ въ сознаніи своей души. Не егоистическая наслажденія, въ борьбѣ со всѣми, но побѣда надъ самимъ собою, духовное торжество надъ тою силой, которую материальный законъ природы вліяетъ на его свободу, любовь къ Богу и

ближнимъ — воть идеалъ представляющійся христіанину въ теченіи его земнаго существованія. Въ надеждѣ на будущую жизнь, надеждѣ основанной на Откровенії, онъ почерпаетъ силу отречения въ теченіи земной жизни. Признавая семейство божескимъ установленіемъ вида въ обществѣ распространенное понятіе семьи, идеи равенства и братства естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ этихъ возврѣній въ его понятіи....“

Сравнивая эти два ученія, можно ли называть оптимистами тѣхъ, которые полагаютъ надежду въ торжество положительной христіанской идеи, — можетъ-ли быть сомнительнымъ окончательный исходъ въ борьбѣ происходящей между доктриною отчаянія и доктриною свѣтлой надежды, между ученіемъ объ обращеніи въ небытие и ученіемъ вѣчной жизни, между упраздненіемъ всѣхъ высшихъ идеальныхъ началь въ жизни и возстановленіемъ чисто нравственнаго идеала? Не должны ли мы скорѣе усматривать въ могущественномъ развитіи антихристіанскаго рационализма въ наше время — историческое явленіе, вызванное известными положительными причинами, которое должно прекратиться или по крайней мѣрѣ ослабѣть, съ прекращенiemъ дѣйствія вызвавшихъ оное причинъ?

Самая увѣренность, съ которой такъ открыто выступаетъ въ наше время антихристіанская доктрина, въ сознаніи своей кажущейся силы, можетъ послужить поводомъ къ просыпанію христіанской идеи въ европейскомъ обществѣ. Тамъ гдѣ возгорѣлась борьба, человѣку трудно оставаться холоднымъ зрителемъ, а всякое

участіе въ борьбѣ вызываетъ его, прежде всего, выяснить передъ самимъ собою свои убѣжденія и свидѣтельствовать о нихъ предъ другими. Внѣшнее формальное отношение къ религіознымъ вопросамъ, возможное въ моментъ всеобщаго индиферентизма, становится невозможнымъ въ моментъ духовной борьбы—а это уже громадный успѣхъ—потому что всякое религіозное развитие возможно только на почвѣ истины и искренности. Въ жилищѣ Божиємъ можетъ сотворить обитель свою только „ходай непороченъ и дѣлай правду, *благолай истину въ сердце свое*“ (Пс. 14). Эти многозначительные слова псаломпѣвца къ сожалѣнію слишкомъ часто забываются ревнителями какъ той такъ и другой стороны.

Истина и искренность неразлучно связаны съ уважениемъ и въ другихъ свободы убѣжденія. Христіанская религія могла существовать безъ свободы для себя, она могла рости, крѣпнуть и развиваться среди самыхъ жестокихъ гоненій, какъ это доказала история первыхъ вѣковъ христіанства, видѣвшихъ въ мученичество одинъ изъ главныхъ столповъ своего духовнаго могущества, но, несокрушимая преслѣдованиемъ, она не можетъ сдѣлаться преслѣдователемъ, не подвергая опасности собственного существованія, потому что, подавляя свободу человѣческаго духа, религія, которую апостолъ Іаковъ называлъ закономъ свободы, теряетъ свою внутреннюю соль отрѣшась отъ самого существеннаго своего начала. Не по чрезмѣрному уваженію къ религіи, а по маловѣрію своему, ультрамонтанизмъ выронилъ изъ рукъ

то могучее орудіе, которымъ первые христіане покорили языческій міръ. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, необходимо обращаться не только къ чувству, но и къ уму. Было бы совершеннымъ непониманіемъ существа человѣческаго духа, если бы мы стали утверждать, что умственная аргументація въ состояніи возбудить вѣру, которая можетъ быть только внутреннимъ актомъ души,—но не въ этомъ и заключается задача научной аргументаціи и критики въ настоящей борьбѣ, а въ опроверженіи тѣхъ многоразличныхъ возраженій, которые рационализмъ выставилъ въ видѣ препятствій на пути къ вѣрѣ; на научной критикѣ лежитъ задача расчистить этотъ путь, а возрожденіе вѣры есть дѣло благодати Божіей. Задача эта можетъ быть исполнима безъ всякой ложной тенденціозности и именно на основаніи полнаго и всесторонняго подчиненія истинѣ, но только подъ условіемъ уваженія къ свободѣ мысли и убѣжденія.

Трудно предполагать, чтобы когда-либо подобное воззрѣніе могло получить признаніе въ средѣ западнаго католицизма, при томъ направлѣніи, которому онъ слѣдуетъ; а можетъ ли онъ обратиться съ того пути, по которому онъ идетъ уже не сколько вѣковъ—это вопросъ, на который въ состояніи отвѣтить только исторія будущаго. Вотъ почему возрожденія христіанской идеи, въ противность новѣйшей культурно-раціоналистической теоріи, и успѣшной борьбы научной критики противъ теорій натурализма и можно ожидать пока, только въ предѣлахъ остального христіанскаго міра, т. е. въ

Житомирська
обласна бібліотека
№ 85859

Житомирська міська
бібліотека

8951

средѣ восточной церкви, старо-католицизма и протестантизма.

Нельзя не сознаться, что нѣкоторое движение въ этомъ отношеніи уже началось. Въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Германіи проявляются въ области литературы первые зачатки серіознаго стремленія къ опроверженію невѣрующаго интелектуализма его же орудіемъ. Въ области жизни, мы видимъ старо-католическое движение, прервавшее всякую связь съ властолюбиемъ и ультрамонтанною западною католическою церковью и не смотря на то, не уклонившееся въ рационализмъ и оставшееся на почвѣ положительнаго христіанскаго ученія, мы видимъ стремленіе къ возсоединенію старо-католицизма съ православною восточною церковью, тоже стремленіе высказывается, хотя и въ менѣе определенномъ видѣ въ средѣ англійскаго и американскаго протестантизма, наконецъ мы видимъ въ Швейцаріи, Англіи и Америкѣ своеобразное духовное движение направленное почти исключительно къ возрожденію въ людяхъ искренности религіознаго чувства, движение, въ главѣ котораго стоятъ Годе, Монодъ, Редстокъ и нѣкоторыя другія личности *). При всемъ разнообразіи этихъ

*) Русская литература коснулась этого движенія, сколько намъ известно, только въ двухъ статьяхъ. Гражданинъ, помѣстивъ въ прошломъ году на своихъ столбцахъ переводъ небольшой статьи Таймса, относившейся весьма серіозно, хотя и съ чисто утилитарной точки зрѣнія, къ этому движению. Другая статья, краткая корреспонденція помѣщенная въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ и перепечатанная въ апѣрльской книжкѣ „Православнаго обозрѣнія“ въ изѣстіяхъ и за-

явленій, которых нельзя ставить на одну доску, не суть ли это различные прямые и окольные пути, направляющіеся къ одной великой цѣли, не слѣдуетъ-ли при самомъ разнообразіи этого движенія вспоминать слова „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышинъ, и не знаешь откуда приходитъ и куда уходитъ“.

Но, съ другой стороны сила неблагопріятныхъ всякою истинно-религіозному движению условій все еще весьма велика. Половина Европы находящаяся въ рукахъ Римско-католического ультрамонтанізма, лишена возможности возстановить согласіе между религіей и свободой человѣческой мысли; вотъ почему въ Испаніи, во Франціи, въ Италии и даже въ южной Германіи

мѣткахъ, подъ заглавіемъ *собранія и проповѣди ревивалистовъ въ Лондонѣ*—отличается чрезвычайною поверхностью и избѣгніемъ характеромъ тѣхъ свѣдѣній, которымъ она сообщаетъ о ревивализмѣ. Было бы весьма желательно, чтобы Православное Обозрѣніе или другой изъ нашихъ духовныхъ журнальныхъ посвятило специальную критическую статью изслѣдованию этого замѣчательнаго религіознаго движенія, основывающаго свое ученіе на III-й главѣ Евангелія отъ Иоанна. Ошибочно было бы вирочить предполагать что это движение новое; въ Женевѣ, напр., съ самаго начала настоящаго столѣтія существуетъ религіозная община подъ названіемъ *l'Eglise du Reveil* или *L'Eglise Etangeliique libe*. Подробныя свѣдѣнія о ходѣ всего этого движенія въ Швейцаріи заключаются въ интересномъ сочиненіи Гольца: *Genève Religieuse au XIX Siècle par le Baron H. de Goltz traduit de l'Allemand par C. Malan. H. Georg Editeur Genève Bâle Paris 1862.* Затѣмъ и позѣйшее англо-американское ревивалистическое движение имѣть также довольно богатую богословскую литературу, духовныхъ брошюръ, проповѣдей и т. п.

господствуютъ два направлениі, равно непріязненныя всякому здоровому религіозному развитію, а именно изувѣрство съ одной стороны и суевѣrie съ другой. Затѣмъ даже въ большей части сѣверной Германіи, вслѣдствіе борьбы общества и правительства противъ захватовъ католицизма, высказывается иѣкоторое усиленное отклоненіе отъ религіи вообще, во всякомъ случаѣ въ Германіи нигдѣ пока еще не замѣтно сколько нибудь серіозныхъ проявленій сближенія между научной и релагіозною мыслями. Нельзя, однако, не принять въ соображеніе что раціонализмъ и невѣrie—продуктъ борьбы продолжавшейся иѣсколько столѣтій. То, что выработалось вѣками не можетъ уступить со дня на день мѣсто другому противуположному направлению и если, какъ можно надѣятьться, мы видимъ-первые зачатки нового направлениія, то потребуется еще много много времени для ихъ развитія.

Связанная съ западною Европой самыми разнообразными, не только материальными, но и духовными интересами, Россія не можетъ выдѣлиться изъ борьбы, она не можетъ остаться безучастнымъ зрителемъ того духовнаго движенія, которое взволновало всю поверхность умственной жизни Европы. Въ принадлежности своей къ церкви сохранившей первоначальное ученіе христіанства, Россія обладаетъ сильнымъ орудіемъ для борьбы противъ материалистического отрицанія. Это орудіе такъ могущественно, что къ нему обращаются надежды даже за предѣлами Россіи. „Въ настоящее время“ пи-

саль известный англійскій богословъ Ниль *), „легко можетъ случиться что при великомъ обновленіи церкви, Вселенскій престолъ востока получить не малое значеніе“.... Но, въ какія бы благодатныя условія не поставило нась провидѣніе въ этомъ отношеніи, эти условія сами по себѣ, безъ живаго воздействиія съ нашей стороны, ничего творить не могутъ. Въ средѣ людей проникнутыхъ теплымъ чувствомъ къ христіанской идеѣ не можетъ не высказываться убѣжденія, что одного формального, виѣшняго отношенія къ православію недостаточно, что христіанское учение можетъ действовать животворно и придавать нравственную силу обществу только въ томъ случаѣ, когда его духовныя истины дѣйствительно проникаютъ въ жизнь людей, составляющихъ общество. Сознаніе, что намъ недостаетъ еще весьма многаго въ этомъ отношеніи, проявляется уже повсюду въ русскомъ обществѣ. Въ свѣтской литературѣ, въ богословской литературѣ, въ частныхъ разговорахъ вездѣ высказывается убѣжденіе, что наша общественная жизнь нуждается въ серіозномъ и правдивомъ отношеніи къ высшимъ нравственнымъ вопросамъ и задачамъ жизни, что наше законодательство нуждается въ истинномъ уваженіи къ нравственнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ, т. е. къ свободѣ совѣсти, что наша мѣстная русская церковь нуждается, между

*) Всеобщее введеніе въ Исторію Святой Восточной Церкви доктора Нила (+1867) въ русскомъ переводе см. Правосл. обозрѣніе 1875. Майская Книжка.

прочимъ, въ большей самостоятельности пастырей пасу-
щихъ паству, самостоятельности соотвѣтствующей ихъ
достоинству и ихъ призванію, и въ распространеніи по
всей Россіи теплой и свободной проповѣди, въ которой
бы, по прекрасному выраженію преосвященнаго Апол-
лоса Вятскаго и Слободскаго *), „видно было пома-
заніе отъ Святаго“....

Ясное пониманіе какъ отдѣльными лицами, такъ и
обществомъ, того чего имъ не достаетъ, служить несомнѣнно
первымъ и самымъ необходимымъ шагомъ на
пути къ достижению недостающаго. Но для осуществле-
нія желаемой цѣли необходимо сознательное и энергич-
еское направление къ ней усилий всѣхъ и каждого;
необходимо содѣстствіе не только церкви и законода-
тельства, но и самого общества. Каждый человѣкъ съ
убѣжденіемъ долженъ сказать себѣ, что въ моментъ по-
dobной духовной борьбы, пидиферентизмъ и безучастіе
являются нравственнымъ зломъ,—но прежде всего въ
подобное время каждый обязанъ дать самому себѣ не-
лицемѣрный отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, потому что
истина достигается только на почвѣ искренности.

*) См. Слб. Вѣдомости 1875, № 209 слова скажанныя миссионеру
изѣвшему собесѣданіе съ старообрядцами.

